

УДК 94 (517)

НОЛЕВ Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; nolev@inbox.ru)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ XIII – XVII вв.

Аннотация. Статья посвящена изучению представлений о власти и государственности у монгольских народов, разработанных и зафиксированных в памятниках права, в период Монгольской империи и в постимперское время до момента вхождения в состав Российского и Цинского государств. Изучение правовых памятников истории монгольских народов позволяет нам выявить особенности формирования и функционирования государственных институтов. Кроме того, являясь официальными документами, которые конструируют историческую реальность, эти исторические источники лишены авторской интерпретации. В основе исследования лежат такие письменные юридические памятники, как «Их засаг» («Великая Яса»), «Чаган тэукэ» («Белая история»), «Устав Алтан-хана», «Закон Хутуктай-Сэчена», «Их Цааз» (Великий Устав 1640 года) и «Восемнадцать степных законов».

Ключевые слова: история права, государственность, монгольские народы, доктрина «двух законов»

Изучение истории права монгольских народов позволяет раскрыть особенности формирования и функционирования институтов власти в кочевом обществе, эволюцию представлений о ее субъекте и границах в исторической ретроспективе. Правовые памятники применительно к поставленной задаче представляют собой ценный исторический источник, с одной стороны, отражая *status quo*, инструментом регулирования которого они и выступают, с другой — формируя цели и императивы общественного развития. К тому же эти источники лишены авторской интерпретации, будучи официальными документами, конструирующими историческую реальность. В свою очередь, это не исключало возможности их позднейшей редакции с целью адаптации к новым идеологическим задачам.

В современной историографии, наряду с обобщением достижений отечественных и зарубежных историко-правовых монголоведных исследований, обозначены направления научного поиска, связанные прежде всего с новыми концептуальными и методологическими подходами, необходимостью совершенствования понятийно-категориального аппарата права монгольских народов, рассмотрения законов с позиции кочевой ментальности и влияния религиозного фактора. Так, Б.В. Базаров и Ц.П. Ванчикова, характеризуя опыт изучения «Великой Ясы», отмечают, что «жестко социологический, политический, правовой односторонний подход, оставляющий в стороне изучение ментальности различных этнических групп Центральной Азии, невольно влечет за собой модернизацию понятий и оценок средневекового правосудия монгольской государственности, интерполяцию на Ясу современных представлений о праве и, в конечном счете, определенное несоответствие в понимании ситуации в целом» [Монгольские народы... 2016: 75-76].

Создание Чингисханом сверхдержавы евразийских масштабов потребовало не только унификации права монгольских народов, составивших ядро формирующейся империи, но и разработки универсальных правовых норм, способных установить идею верховенства власти империи, не отменяя правовых традиций

покоренных народов. Результатом воплощения этой непростой задачи стало появление уникального памятника средневекового монгольского права «Их засаг» («Великая Яса»), упоминания о котором сохранились в исторических трудах арабских, персидских и армянских авторов.

В современной историографии сложились три аргументированных позиции относительно содержания «Их засаг», согласно которым памятник мог представлять, во-первых, свод законов, содержащий предписания права; во-вторых, совокупность норм, обычаев и традиций средневековых монголов; в-третьих, сборник изречений и поучений Чингисхана [Дугарова 2016: 102]. Н. Ням-Осор называет три источника «Их засаг»: основной внутренний, заключенный в обычном праве монгольских племен; дополнительный, представленный указными нормами Чингисхана; внешний, отражающий влияние китайского права. При этом «Их засаг», по мнению ученого, не был единожды зафиксированным законом, а подлежал совершенствованию и дополнениям как при жизни Чингисхана после утверждения «Ясы» на Великом курултае 1206 г., в 1211, 1219 и 1225 гг., так и при его преемниках [Ням-Осор 2003: 94].

«Их засаг» утверждал абсолютную власть хана над подданными. Предписания «Великой Ясы», касающиеся употребления императорского титула, обнаруживали стремление к централизации власти на всей территории империи и сосредоточении ее полноты в титуле «хан», и в то же время присутствовали рекомендации родственникам об употреблении личной формы обращения по отношению к правителю [Вернадский 2014: 116]. Таким образом, персонификация абсолютной власти хана в империи сочеталась с сохранением его положения как близкого родственника и старейшины рода в семье, формируя тем самым основания для будущих династических противоречий.

Несмотря на то что «Их засаг» воспроизводил нормы правового регулирования в кочевом социуме, отчетливо прослеживается не только его надплеменной, но и имперский характер, способствовавший объединению завоеванных территорий при сохранении их правовых систем. В первую очередь это проявлялось в сакрализации и легитимации высшей власти великого хана, подкрепленной суровыми санкциями в случае сопротивления. Во-вторых, «Яса» утверждала принцип религиозной терпимости, значительно облегчавший интеграцию государств с различной конфессиональной идентичностью в состав империи [Вернадский 2014: 116]. При этом нормы «Их засаг» были главенствующими при контактах правителей покоренных земель и представителей династии Чингисхана.

Дальнейшее развитие монгольского имперского законодательства испытывало влияние буддизма, что зафиксировано в историко-правовом памятнике «Чаган тэукэ» («Белая история»). Начало его составления относится ко временам Хубилай-хана, а в дальнейшем он был отредактирован по мере укрепления значения «желтой веры». Здесь впервые на законодательном уровне оформляется «союз алтаря и трона» и формируется доктрина «двух законов», обозначенная формулой: «Законы учения, подобно шелковому узлу, неослабимы. Правление хагана, подобно золотому ядру, несокрушимо». Хубилай-хан получает титул Хубилай чакраварун сэчэн хаган — «Вращающий тысячу золотых колес учения»¹. Значение данного титула в иерархии царей в буддизме соответствует уровню вселенского, или всемирного монарха. При этом обосновывается включенность Хубилая в традицию политической и религиозной преемственности от древних царей Индии и Тибета.

Можно предположить, что для монгольской правовой традиции периода Хубилая формирование доктрины «двух законов» являлось скорее направле-

¹ *Cagan teuke* — «Белая история». Монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. (сост. Ц.П. Ванчикова, П.Б. Балданжапов) 2001. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 73, 85.

нием региональной политики по отношению к территориям, где были сильны позиции буддизма, а не ключевым источником и направлением развития имперского права. С одной стороны, Хубилай был императором династии Юань, претендовавшим на всю полноту власти в Монгольской империи, что исключало возможность доминирования какой-либо религии при проведении политики имперского уровня. С другой – легитимность его правления обосновывалась принадлежностью к Чингиздам, решением курултая, победой в войне против Ариг-Буги, китайской династийной традицией, поэтому доктрина «двух законов» могла быть дополнительным, но не основным фактором легитимации, направленным в основном на буддийское население государства. Принятие данной доктрины обеспечило Хубилаю возможность мирным путем установить свою власть над Тибетом. При этом церковные иерархи в этот период не имели отношения к властным ресурсам [Почекаев 2013а: 28].

Новые представления о власти и государственности отражаются в монгольских правовых памятниках постимперского периода. Упрочение и развитие паритетных принципов доктрины «двух законов» сочетается с сохранением имперских правовых традиций и стремлением к консолидации, не всегда удачно реализованным в политической практике.

Рассматривая политические причины развития доктрины «двух законов», следует отметить, что в постимперский период с утратой «мандата неба» принадлежность к Чингиздам не гарантировала претендентам обретения и удержания власти и, тем более, признания со стороны других Чингизидов в условиях династического равенства. Требовались источник сакральной легитимации и новая мировоззренческая парадигма восприятия власти монарха среди населения. Развитие доктрины продолжается в «Законе Хутуктай-Сэчена», время создания которого датируется 1577 или 1578 г., зафиксировавшем признание буддизма в качестве официальной религии в Монголии. Этот единственный памятник монгольского права, целиком посвященный взаимодействию церкви и государства, известен в двух версиях: монгольской и тибетской, имеющих существенные различия. Детальное их сравнение, выполненное Р.Ю. Почекаевым, раскрывает намерения «алтаря» и «трона». Монгольские правители стремились обеспечить религиозную легитимацию своего правления в условиях постимперской конкуренции. При этом задача обеспечения сакрального обоснования и удержания власти не могла быть реализована вместе с усилением политического влияния представителей духовенства. Материальная заинтересованность распространения буддизма в Монголии была сопряжена с перспективой снижения экономической зависимости от Китая за счет хозяйственных центров оседлой культуры, формировавшихся вокруг монастырей. В то же время намерением буддийских иерархов было установление в Монголии теократической формы правления, подобной существовавшей в Тибете, где высшая власть была сосредоточена в руках церковных правителей, а удел светских властей, легитимность которых зависела от поддержки церкви, состоял в исполнении административных полномочий [Почекаев 2013б: 220]. Немаловажным представляется и желание тибетских иерархов использовать монгольские войска. В конечном итоге, правовые памятники фиксируют политико-правовой компромисс с разной степенью удовлетворения притязаний сторон. Власть монгольских ханов укреплялась за счет интегрированной в государственную структуру буддийской церкви, у которой появились как права, так и обязанности. Буддийское духовенство, в свою очередь, получило значительные привилегии и поддержку монгольских ханов в распространении буддизма [Почекаев 2013б: 221, 222].

В постимперский период территориальные границы власти хана сужаются, и одновременно происходит ее усиление, реализованное в возможности на зако-

нодательном уровне регулировать частнопроводные отношения своих подданных, о чем свидетельствует «Уложение Алтан-Хана» [Почекаев 2011: 108]. Вместе с тем в источниках, относящихся к периоду Монгольского ханства, фиксируется использование имперского права, что проявляется, во-первых, в сохранении и возрождении имперских традиций, во-вторых, в стремлении к консолидации в условиях углубления династических противоречий, сокращения границ Монгольского ханства и усиления центробежных настроений среди элиты.

Первое положение наглядно иллюстрируют нормы закона Мандухай-хатун, время появления которого датируется 1470 г. и связано с победоносным военным походом правительницы – регентши Монгольского ханства против ойратов, проявлявших большую активность в борьбе за ханский престол. Восстановив власть монгольских ханов над ойратами, Мандухай-хатун наложила на побежденных ряд ограничений. Ойратам предписывалось не называть юрты дворцами; не делать кисть на шапке длиннее двух пальцев; не садиться, поджав ноги, а преклоняться на колени; называть айраг цэгэ; не есть мясо, отрезая куски ножом, а есть, откусывая. Впрочем, последнее предписание было отменено ханшей-регентшей по просьбе ойратов. Р.Ю. Почекаев приводит убедительные доводы в пользу того, что эти предписания не являются простым вмешательством центральной власти в бытовую сферу отдельного племени с целью демонстрации унижения побежденных, а уточняют статус ойратов в иерархической структуре Монгольского ханства [Почекаев 2013в: 133]. Так, требование об ограничении размера кисти на головном уборе было призвано исключить возможность использования ойратскими аристократами символов отличия ханского рода в одежде. Правило о положении за столом, вероятно, регламентировало разграничение церемоний официальных заседаний при ханском дворе (с поджатыми ногами) и менее значительных внутриведенных собраний (на коленях) [Почекаев 2013в: 130, 131]. Следовательно, символика и атрибуты имперской власти в постимперский период не только сохраняли свою актуальность, но и, возможно, имели регулятивное значение в межплеменных отношениях. Таким образом, возвращение после империи к более ранней стадии государственного развития, наряду с применением имперского права, ставит вопрос о соотношении формы государственности с предствлением о власти у кочевых сообществ монгольских степей.

Стремление к консолидации и единству фиксируется в таких памятниках права, как «Восемнадцать степных законов» и «Их цааз» (Великое уложение)¹.

Т.Д. Скрынникова, проведя детальное исследование политической культуры Монголии XVI–XVII вв., пришла к выводу о комплексной целостности Халхи и существовании здесь ряда государственных институтов, что подтверждалось нормами права: главенством хагана – ахая, установлением и соблюдением границ территории, стремлением к целостности, созданием административного аппарата, исполняющего принятые законы и взимающего штрафы в пользу правящей элиты. С другой стороны, свидетельством слабости центральной власти стало постоянное повторение статей о наказании за действия, направленные против власти, и появление правителей в разных частях Халхи, использующих маркеры верховной власти, что не позволяет, по мнению ученого, считать Халху сложившимся государством [Скрынникова 2008: 495–496].

Таким образом, на формирование политической традиции монгольских народов в рассматриваемый период существенное влияние оказало развитие доктрины «двух законов» и концептуальное наследие Монгольской империи, вопло-

¹ *Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв.* (пер., ком., иссл. А.Д. Насилова). СПб: Петербургское востоковедение. 160 с.; *Их цааз («Великое уложение»)*. Памятник монгольского феодального права XVII в. (отв. ред. Г.Д. Санжеев). 1981. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 148 с.

ценное в идеях единства и сильной ханской власти, которые не всегда находили отражение в реальности в условиях династической конкуренции.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект №14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Список литературы

- Вернадский Г.В. 2014. *Монголы и Русь*. М.: Ломоносовъ. 512 с.
- Дугарова С.Ж. 2016. *Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.)*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ. 332 с.
- Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии* (отв. ред. Б.В. Базаров). 2016. Иркутск: Оттиск. 624 с.
- Ням-Осор Н. 2003. *Монгольское государство и государственность в XIII–XIV вв.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 288 с.
- Почекаев Р.Ю. 2011. Уложение Алтан-хана – монгольский правовой памятник второй половины XVI века. – *Правоведение*. № 1. С. 89-109.
- Почекаев Р.Ю. 2013а. Правовые аспекты распространения буддизма в Монголии в XIII–XVIII вв. – *Страны и народы Востока*. № XXXIV. С. 16-33.
- Почекаев Р.Ю. 2013б. Закон Хутуктай-Сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. – *Правоведение*. № 1. С. 204-224.
- Почекаев Р.Ю. 2013в. «Закон» Мандухай-хатун для ойратов и особенности развития монгольского права в «темные века». – *Письменные памятники Востока*. № 6. С. 123-137.
- Скрынникова Т.Д. 2008. Политическая организация Халхи XVI–XVII вв. – *Монгольская империя и кочевой мир*. Материалы международной научной конференции. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 463-497.

NOLEV Evgeniy Vladimirovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; nolev@inbox.ru)

PERCEPTIONS OF POWER AND STATEHOOD IN THE LEGAL HERITAGE OF THE MONGOLIAN PEOPLES IN THE 13TH – 17TH CENTURIES

Abstract. *The article studies the perceptions by Mongolian peoples of power and statehood, reflected in historical sources of 13th–17th centuries. The study of legal history of the Mongolian peoples enables us revealing the peculiarities of shaping and functioning of state institutions and the evolution of perceptions of its subject and boundaries in the historical retrospective. In this context, the legal monuments form a valuable historical source: they reflect the status quo they are designed to regulate, and shape goals and imperatives of social development. In addition, being official documents that construct the historical reality, these historical sources are devoid of personal interpretation. The study is based on such written legal monuments as «Ikh zasaag» («The Great Yasa»), «Chagan teuke» («The White History»), «The Altan-Khan Statute», «The Khutuktai-Sechen Law», «Ik Tsaaz» (the Great Statute of 1640) and «Eighteen Steppe Laws».*

Keywords: *legal history, statehood, Mongolian peoples, doctrine of two laws*